

С Л Е П О Й П О Л Е Т

Научно-фантастический рассказ А. Беляева

Рис. И. Холодова

Закон причинности — это бесконечно сложный механизм из зубчатых колес и шестерен. Кто бы мог подумать хотя бы о такой связи явлений: в Свердловске молодой ученый Меценко предложил своему другу — летчику Шахову осмотреть его лабораторию. Шахов осмотрел ее, похвалил работу товарища и ушел. Только и всего. А из-за этого визита старший радист на острове Гонолулу едва не сошел с ума. Редактор „Нью-Йорк трибюн“ разбудил по телефону

среди ночи сотрудника, ведущего отдел „Новости науки и техники“, заставил его писать статью, которую потом еще и не принял. Советские граждане Барташевич и Зубов целые сутки ужасно волновались, а с самим летчиком Шаховым случилось такое, чего он всю свою жизнь не забудет.

1. ЛОВЕЦ СИГНАЛОВ БЕДСТВИЯ

Если вам придется побывать на острове Гонолулу, то вас наверно познакомят с мистером Кемпбеллом. Кто же в Гонолулу не знает Джона Кемпбелла? Может быть, он пригласит вас выпить с ним чашку ароматного кофе на открытой веранде ресторана „Под пальмами“, что возле порта и радиостанции.

Любуйтесь прибором, слушайте рассказы Кемпбелла, — он интересный рассказчик, — но остерегайтесь одного: не задавайте Кемпбеллу вопроса: что случилось с ним второго ноября, или: что это такое „летучие сигналы бедствия“, иначе он сразу погаснет, расплатится молча за кофе и уйдет, не пожав вам руки и не оглядываясь. Вы навсегда потеряете его расположение.

Джон Кемпбелл был старшим радистом морской радиостанции США на острове Гонолулу. Молодые помощники называли Кемпбелла „гражданином эфира“. С таким же основанием Джона можно было назвать „гражданином мира“. Большую часть суток он витал в эфире.

Знал позывные всех дальнедействующих радиостанций мира. Virtuозно отстраивался и настраивался. Имел эфирные знакомства во всех частях света. Для него не существовало границ и

А. Р. Беляев, автор рассказа „Слепой полет“ и известных романов: „Человек — амфибия“, „Остров погибших кораблей“, „Прыжок в ничто“ и мн. др.

Кемпбелл быстро определил место кораблекрушения

местного времени. Он жил во всех широтах и долготах. На протяжении одной минуты он успевал излучить своим друзьям и „доброе утро“, и „добрый день“, и „добрый вечер“, и „добрый ночи“. И никогда не путал, где сейчас на земном шаре день, где ночь, где утро.

Но особенным специалистом он считался по пеленгированию¹. Услышит сигнал бедствия, тотчас снесется со своим партнером в Сан-Франциско, определит углы, произведет „засечку“, и в пять минут готов треугольник, в котором Гонолулу и Сан-Франциско являются углами при основании, а вершиной служит место скрещения излучений, оно же и место бедствия. И вот Кемпбелл уже сообщает „всем, всем, всем“ точную долготу и широту гибнущего судна. Первенства в ловле сигналов бедствия он не уступал никому. И за свою многолетнюю службу спас не одно судно.

Таков был Кемпбелл до второго ноября — даты пятидесятого года его рождения. И вот что случилось с ним в этот день.

¹ Особые приемы для определения местонахождения излучающей радиостанции.

Утром морская метеорологическая обсерватория США сообщила, что в Тихом океане проходит тайфун чрезвычайной силы, пересекая три морских пути между Азией и Америкой. Приходилось быть на-чеку.

В два часа дня Кемпбелл уже поймал первый характерный писк „SOS“¹ и быстро определил место кораблекрушения. В три часа новый сигнал о бедствии. Кемпбелл успел сообщить в Осаку, прежде чем там узнали о крушении парохода возле японских берегов. Но с третьим „SOS“ случилось непонятное.

Было восемь часов вечера. Небо безоблачное. Только необычно сильный грохот прибоя напоминал о том, что где-то в океане свирепствует шторм.

„SOS“ — вновь запищало в приемнике. Призыв о помощи несся из района острова Карагинского вблизи мыса Лопатки (южной конечности Камчатки). И Кемпбелл радировал об этом карагинской радиостанции.

Оттуда ответили: „У нас штиль. Гидропланы летят на разведку“.

Через час карагинская „рация“ сообщила, что нигде тонущего корабля не обнаружено. Что они там подумали о Кемпбелле — радисте из Гонолулу?.. Скандал!

В десять вечера Кемпбелл услышал тот же сигнал, но уже из района Берингова моря, с 180° восточной долготы.

Сам „Моряк-Скиталец“ не мог лететь с такой чудовищной скоростью! Более полутора тысяч километров в час, если учесть „сдвиг“ местного времени.

Кемпбелл проверил расчеты. Все оказалось правильно. Но первый раз в жизни он воздержался сообщать „всем“ о принятом сигнале бедствия.

В двенадцать часов ночи тот же сигнал, но уже на полтора градуса восточнее. Несмотря на удушающую жару тропической ночи, Кемпбелла прошиб холодный пот.

— Что это, мистификация? Радисты сговорились подшутить над ним? Но сигналами бедствия не шутят. Или у него в мозгу неладно?

Кемпбелл просидел без смены всю ночь. Но этих сигналов больше не было слышно. На утро Кемпбелл подал начальству рапорт, прося отпуска по болезни.

Так до конца своих дней Кемпбелл и не разрешил задачи: кто же посылал

¹ Международный сигнал бедствия на море и на суше.

тогда сигналы бедствия, летя с запада на восток быстрее урагана. Эта неразгаданная загадка осталась больной занозой в мозгу заслуженного радиста.

2. ТАИНСТВЕННЫЙ БОЛИД

„О. Кадьяк 3. XI. Четыре часа ноль минут местному времени островом Кадьяк пролетел болид ослепительной яркости направления запада восток тчк полет сопровождался орудийным гулом тчк телеграфные деньки исходе жду аванса тчк—Дельтон“.

Вечное перо в руке ночного редактора „Нью-Йорк трибюн“ быстро запрыгало по бумаге. Золотой клюв ручки, как дятел на стволе дерева, долбил телеграфные строки, оставляя темносиние следы. Через полминуты телеграмма была обработана.

„О. Кадьяк. 3. XI. В два часа утра над островом Кадьяк пролетел огромный болид такой ослепительной яркости, что все окрестности были освещены, как прожектором. Полет болида сопровождался оглушительным гулом, напоминавшим канонаду. Гул был слышен в порте Руперта и Эдмонтоне“.

Редактор подумал секунду, сделал заголовок: „Небесный гость“, зачеркнул, сделал новый: „Необычайный болид“, сбоку приписал: „п е т и т, 6 полоса“. Левою рукой бросил телеграмму машинистке и принялся за новую — о морских вооружениях Японии.

Редактор расправлялся с телеграммами, как с наседавшими врагами. Он разил их острием пера и бросал машинистке, а стопка не уменьшалась. Новые телеграммы падали на стол.

Через три часа редактор читал:

„Ситка. 3. XI. Четыре часа утра Ситкой пролетел большой ослепительной яркости...“

— Еще один болид! — удивился редактор. — Что они так разлетались сегодня! — И вспомнил, что во вчерашнем номере газеты была заметка о том, что в середине ноября ожидается большой звездный поток леонид, появляющихся каждые тридцать три года. В этот прилет они запоздали, — имели неосторожность пролететь слишком близко возле какой-то большой планеты, — кажется, Юпитера, — потеряли на нем часть своего роя

и несколько изменили свою орбиту. Это интересно!

Редактор сорвал телефонную трубку, разбудил заведующего отделом „Новости науки и техники“ и заказал ему к семи часам утра новую статью о леонидах. На телеграмме сделал заголовок: „Первые ласточки звездной стай“ и пометку: „Объединить телеграммы о болидах. Дать в отделе „Н. Н. и Т.“, перед статьей“.

Редактор усиленно курил. Глаза слипались после бессонной ночи. Часы пробили семь. В кабинет быстро вошел заведующий отделом „Новости науки и техники“, небритый, невыспавшийся, злой и бросил на стол готовую статью о леонидах.

Рядом со статьей упала новая телеграмма. Редактор прочитал ее, подумал. В ней сообщалось о болиде, пролетевшем в семь часов утра над озером Атабаска.

— Можете взять свою статью о леонидах. Она не пойдет! — сказал он редактору „Н. Н. и Т.“

— Как не пойдет? Почему не пойдет? Но за каким же дьяволом вы разбудили меня и заставили работать всю ночь?

— Статья будет оплачена! — сухо ответил ночной редактор и, обратившись к секретарю, крикнул: — Подберите и дайте мне телеграммы о болидах!

— Вот, извольте судить сами, — сказал ночной редактор, протягивая телеграммы. — Прочитайте эти две — из Кадьяка и Ситки, а вот и третья, только что полученная из Нью-Фаундленда. Сравните время, обратите внимание на направление полета — с запада на восток. Можели быть такое совпадение? Имеем ли мы три болида или же один болид? А если один, то может ли вообще болид, — вал

Корабль, гибнущий у японских берегов.

это лучше знать,— пересечь пол-Америку на одной и той же высоте, в пределах земной атмосферы, не сгорев и не упав на землю?

— Что же вы предполагаете?— осторожно спросил редактор отдела „Новости науки и техники“.

— Я полагаю, что это — „болид“... земного происхождения. Быть может, ракета, реактивный стратоплан, торпеда, чорт его знает что...

— Но скорости! Почти космическая. Скорость вращения Земли... Положим, георетически, для стратопланов, не говоря о звездолетах, такие скорости возможны...

— Не „положим“, а так оно и есть. Не вы ли сами давали статью о тайных вооружениях Германии, о реактивных снарядах, о воздушных торпедах, управляемых по радио. Необходимо сейчас же написать новую статью на эту тему. Садитесь! Мы еще успеем к дневному выпуску.

Редактор подобрал все телеграммы о болидах и сделал новую пометку: „1-я стр., корпус. После статьи „Таинственный болид“.

3. ПРОПАВШИЙ СТРАТОПЛАН

Бригада молодых изобретателей Свердловского авиазавода готовила стране ольшой сюрприз: сконструировала и построила первый советский — и первый в мире — стратоплан. Директор завода Барташевич, инженер-конструктор Зубов и пытный летчик Шахов любовались своим детищем.

Крылатая рыба идеально обтекаемой формы имела винто-моторную и реактивную тягу. З-1 мог летать в тропосфере, как аэроплан, а в стратосфере — по принципу ракеты. „Мог летать“, но еще не етал. Первый пробный полет должен ыл совершить Шахов. Решили, что полетит он один. Хорошо механизированое управление вполне допускало это, ем более, что полет Свердловск—Хабаровск, по расчетам строителей, должен родолжаться максимум пять часов. Неывалая скорость!

Герметическая закрывающаяся кабина -1 отапливалась и освещалась электричеством и была снабжена кислородом горючим на сутки,— максимальная емкость баков и баллонов. Большой и з нужно было, так как за сутки стратоплан мог бы облететь вокруг земного ара.

В стратоплане были установлены аппараты для определения скорости, высоты, направления полета по „слепому методу“. Все до мелочей рассчитано, испытано, выверено в лабораториях. Всякая случайность исключалась.

Старт произошел второго ноября, в шесть часов утра безвсякого торжества. Не было ни газетных репортеров, ни блеска юпитеров, ни суетливых кинооператоров, ни оркестра, ни речей. Все напоминало будничньй облет нового аппарата. Присутствовала только бригада, создавшая З-1.

Летчик Шахов, в кожаном костюме и шлеме, высокий, здоровый, подошел к кабине. На бритом лице спокойная улыбка. Крепко пожал руку товарищам, быстро взобрался по лесенке и захлопнул за собой дверь. Через минуту заревели моторы, метнулись и превратились в трепещущие, прозрачные круги пять пропеллеров. З-1 легко отделился от площадки аэродрома и начал круто забирать высоту. Рокот моторов затихал в звездных просторах неба.

— Долетит!— уверенно сказал Зубов, когда стратоплан скрылся.

— Долетит!— как эхо, отозвался Барташевич.

А через десять минут они уже разговаривали с Шаховым по радио, как будто и не расставались с ним.

— Алло, Шахов! Летишь?

— Лечу! Все отлично. Аппараты действуют безукоризненно.

— Ну-ну, Шахов, делай шах королю,— острил Барташевич.

Полет продолжался. Шахов от времени до времени сообщал:

„Высота двенадцать километров. Перехожу на дюзы“.

„Высота двадцать пять. Скорость — тысяча километров в час“.

„Миновал Омск... Красноярск... Высота тридцать километров“.

„Пролетел над Витимом“.

И вдруг радиопередачи прекратились. Потекли минуты напряженнейшего ожидания. Зубов начал нервно вызывать Шахова. Ответа не последовало. Тревога росла. Лица Зубова и Барташевича словно постарели в несколько минут. Они избегали смотреть друг на друга, чтобы на лице другого не прочесть своих собственных черных мыслей.

Время шло. Зубов нетерпеливо поглядывал на часы.

— Он уже должен бы опуститься в Хабаровске...

Посидели еще несколько минут в гнетущем молчании. Позади послышался тяжелый вздох. То незаметно вошел старый мастер Бондаренко.

— Так вызывайте же Хабаровск, — сказал он раздраженно, словно простуженным голосом. Его сумрачное лицо передергивала нервная судорога.

Зубов хотел и боялся вызвать Хабаровск. Наконец, вызвал.

„Не прилетал. Ждем с минуты на минуту“, — был ответ.

Старый мастер снова шумно вздохнул.

— Ждут!.. Авария, не иначе. Надо сообщить на Алдан, чтобы выслали самолеты на поиски.

Да, больше ничего не оставалось.

Настал день, — тяжелый день... Зубов и Барташевич перед этим не спали уже несколько суток, готовя З-1 к полету. И теперь они шатались от усталости, но о сне не могли и думать. Ждали вестей, каковы бы они ни были. Мучила неизвестность.

Через несколько часов алданские товарищи сообщили, что в месте предполагаемого пролета обыскано все по радиусу в пятьсот километров, никаких следов не найдено, что многие жители слышали в это утро глухой, громopodobный гул, прокатившийся с запада на восток.

По запросу Зубова с Камчатки сообщили, что и у них слышался вечером, около шести часов, „гул и гром“, и также от запада на восток.

Зубов и Барташевич с недоумением посмотрели друг на друга.

— Это он! Значит, Шахов не погиб! — вздохнув с облегчением, сказал Зубов.

— И пролетел дальше, — задумчиво прибавил Барташевич. — Но почему? Что с ним произошло?

— Быть может, порча аппаратов... Не мог остановить работу дюз.

— Невероятно! — возразил Барташевич. — Все испытано, проверено. И потом, не могли же сразу испортиться и реактивные двигатели, и винтовая группа, и радио. — Барташевич помолчал и сказал сквозь зубы: — А может быть...

Зубов посмотрел на хмурое и вдруг ставшее злым лицо Барташевича и понял его мысль, его подозрение: „измена родине...“

— Не может этого быть! — горячо воскликнул Зубов.

Барташевич стукнул кулаком по столу.

— Но тогда что же, что?

Зубов только вздохнул.

Прибежал рыжий радист, с красными от усталости глазами.

— Морская радиостанция на Гонолулу, — задыхаясь возбужденно заговорил он, — принимала сигналы бедствия в продолжение трех или четырех часов с Берингова моря...

— А почему же ты не слышал? — набросился на радиста Барташевич.

— Я принимал Алдан, Хабаровск, Сахалин...

— Это Шахов! — воскликнул Зубов. — Конечно, у него какая-то авария... А ты говорил!.. — прибавил Зубов, с упреком посмотрев на Барташевича.

— Я ничего не говорил, — смущенно ответил тот. — Я только подумал. А мысли всякие — и непрошенные — в голову лезут.

„Лучше смерть с честью, чем бесчестие измены!“ — подумал Зубов и сказал:

— Сигналов больше не было. Значит, Шахов погиб в Беринговом море у берегов Северной Америки или на самом континенте.

Зубов и Барташевич опустили головы. После острых волнений наступила реакция. Зубов едва сидел на стуле. Барташевич оперся руками на стол, положил русую голову и сонно сказал:

— Надо послать радио на Аляску... В Америку... В США...

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Уснул, что ли? Читай! — Бондаренко положил на стол вечерний выпуск „Уральского Рабочего“.

Барташевич вздохнул, словно пробуждаясь от глубокого сна, поднял голову, протер глаза, начал читать и вдруг взволнованно и громко заговорил:

— Он жив! Он еще жив! Летит! Конечно, это снова он, Шахов! — и протянул Зубову газету, в которой была напечатана телеграмма ТАСС из Нью-Йорка о „таинственном болиде“.

Нервное напряжение прорвалось у Барташевича смехом:

— Шах королю! Задали мы им загадку... Да и себе тоже, — прибавил он задумчиво и сильно тряхнул головой, выбрасывая снова лезшие непрошенные мысли. — Уж не задумал ли Шахов самовольно совершить кругосветный полет?

— Шахов достаточно дисциплинирован, чтобы не делать таких мальчишеских выходок, — снова возразил Зубов. — И потом, зачем в таком случае ему было посылать сигналы бедствия?

— А почему он замолчал?

Зубов и Барташевич снова посмотрели друг на друга. Если бы оба не были так утомлены и озабочены, они рассмеялись бы — до того комично-обалделыми были их лица.

4. СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Шахов, как и его друзья, снимаясь с аэродрома, не сомневался в удаче полета. Пропеллеры тянули великолепно. З-1 быстро набирал высоту. На потолке тропосферы и даже субстратосферы моторы, благодаря компрессорам, работали безукоризненно, перекрывая запроектованный потолок. Только поднявшись в стратосферу, они начали „задышаться“ от недостатка кислорода и давать перебои. Но это было явлением нормальным и заранее предусмотренным. Шахов выключил моторы и пустил в ход дюзы. Он полетел быстрее звука и уже не слышал громовых раскатов взрывов. Лишь при каждом ускорении, — при каждом новом броске вперед, — он чувствовал, как спинка кресла толкает его в спину, при этом сжималась грудь, становилось немного трудно дышать и кружилась голова — реакция кровообращения.

Но сильный организм Шахова легко справлялся с этими легкими недомоганиями. В общем Шахов чувствовал себя хорошо. Сверхскорый полет, сам по себе, был неощутим. В кабине тихо, тепло, светло, воздух насыщен кислородом, который пьянит и веселит, как вино. Ни малейшей качки. Можно подумать, что стоишь на месте. Только подрагивание и склонение черных стрелок на белых циферблатах измерительных приборов говорили об огромной высоте и скорости полета. На карте черный карандаш в рычажке отмечает курс. В этом слепом полете Шахов чувствует себя спокойнее, чем в обычных полетах. Весело напевает. Смотрит сквозь толстое стекло окна на аспидно-черное небо с яркими немигающими звездами и радужным полотнищем млечного пути. Черная линия уже приближается к Кяхте. Шахов сообщает и об этом друзьям. Радио под рукой. Можно разговаривать, не отрываясь от пульта управления.

Шахов проголодался. Вынимает плитку шоколада и подносит ко рту.

И вдруг чувствует такую невыносимую, режущую боль в глазах, что вскрикивает и закрывает их. „Что такое?словно сухой горчицы в веки насыпали“. С трудом открывает глаза. В кабине со-

вершенно темно. Почему лампочка внезапно погасла? Шахов шарит рукой, находит выключатель, поворачивает — темно, поворачивает еще раз — темно. Достает лампу рукой и ощупывает. Горяча. Лампа светит! Значит, он ослеп! Сильнейшие, режущие боли в глазах не прекращаются.

Шахов был летчиком уже второй десяток лет. И в первый раз почувствовал нечто похожее на страх. Нервный клубок застрял в горле, холодок пробежал по спине, задрожали руки.

Что теперь будет с ним? Положим, он сумеет сообщить по радио, но что могут сделать его друзья? Другого стратоплана нет, ни один самолет не поднимется на такую высоту и не имеет такой быстроты полета. На лету Шахова не снять. Хорошо еще, что столкновение невозможно — на такой высоте никто не летает. Он жив, пока летит, а летит — пока хватит горючего, то-есть сутки. Снизиться он не может. Никакие аппараты слепому полету не помогут, если сам летчик слеп. И при посадке он неминуемо разобьется вместе с машиной.

Если бы можно было набрать скорость километров в секунду, то З-1 стал бы вечно носиться вокруг Земли, как ее спутник, преодолев земное притяжение. Но такая космическая скорость для З-1 недостижима. Да это и не спасло бы Шахова. Всего через сутки кончатся запасы кислорода, и Шахов задохнется.

Радио... но где же оно? Шахов шарит, находит аппарат, пытается давать сигналы бедствия. Задевает рукой за провод, питающие от аккумулятора лампы накала. Разрывает провода. С трудом находит, связывает, снова дает сигнал. Что-то портится в аппарате. Ощупью старается найти повреждение. Ему как будто удастся еще раз оживить радиостанцию, но затем она безнадежно портится.

Последняя связь с миром оборвалась. Он — пленник стратосферы...

Который час? Сколько времени прошло с тех пор, как он летит „слепым“ полетом? Шахов бессильно откидывается на спинку кресла, опускает руки, задумывается. Глаза болят нестерпимо, — словно они выжжены раскаленным железом... Встает, находит воду, промывает глаза — не легче. Снова садится в кресло. Тишина... неподвижность... слепой полет навстречу смерти!

Проходит час за часом. Шахов сидит молча, подавленный. Где он летит сейчас? Быть может — над Америкой, а может быть уже над Атлантическим

океаном, приближаясь к берегам Европы... День или ночь?..

...Нет, это невозможно! Надо что-то делать, искать спасения... Жажда жизни берет свое. Шахов поднимается. В движении, в действии он хочет найти выход напряжению нервов. Надо узнать, работают ли еще дюзы... Шахов пробирается в машинное отделение. Щупает руками стенки дюз. Несмотря на термоизоляцию, во время работы дюз стенки бывают теплыми. Но сейчас они холодны. Дюзы не работают и уже успели остынуть. З-1, быть может, уже летит камнем с головокружительной высоты... Бензин в баках еще должен быть. Надо запустить моторы... Это он сможет сделать и вслепую...

Загудели! Работают без перебоя! Очевидно, стратоплан уже в тропосфере. Спасает идеальное автоматическое управление — машина сама выправляется. Авдуг она перейдет в штопор? Сумеет ли аппарат самостоятельно выйти из штопора? Расчеты говорят — да, но что окажется на деле? А стратоплан начинает покачиваться... Что делать?

...Остается одно — „вслепую“ выбраться на парашюте...

И Шахов лихорадочно начинает готовиться к смертельному прыжку. Привязывает парашют, раскрывает окно... Чувствует, как ледяной ветер жжет лицо и руки...

5. «А ЗЕМЛЯ-ТО КРУГЛАЯ!»

Вконец истомленный, Барташевич, не раздеваясь, свалился на кушетку и тотчас уснул.

— Вставай! — будил его Зубов. — Шахов летит!

Барташевич поднялся и тупо посмотрел на Зубова.

— Говорю тебе, летит! Получено от него радио. Идем скорей на аэродром!

Радостно-взволнованные, ввалились они на автомобиль и помчались к аэродрому, глядя на восток, откуда должен был появиться стратоплан.

На аэродроме они полчаса напрягали зрение и слух. Неожиданно рокот моторов послышался с запада. Скоро появился и З-1. Он быстро снизился и сел „по-шаховски“ — без единого прыжка.

Зубов и Барташевич побежали к стратоплану. Дверь открылась, по выкидной лесенке быстро спустился Шахов и направился к ним уверенной походкой со

своей обычной, спокойной улыбкой. Крепко пожал им руки и кратко рассказал им о том, что случилось с ним в пути.

— Я уже совсем приготовился к прыжку, как вдруг прозрел. Да, зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как появилась слепота. Я самоопределился и, к удивлению, увидел, что нахожусь в сотне километров на запад от Свердловска.

— Почему же к удивлению? Стратоплан ведь летел без управления и мог сбиться с курса.

— В том-то и дело, что он не сбился с курса. Аппараты показали мне, что он все время летел по прямой на восток.

— А земля-то круглая, и, вылетев из Свердловска в восточном направлении, ты вернулся в Свердловск же с запада!.. — воскликнул Зубов.

— Облетев весь земной шар, — уточнил Барташевич. — Стратоплан выдержал экзамен, хотя и не выполнил задания — опуститься в Хабаровске. Но что случилось с твоими глазами? Мы уже все передумали, а о такой простой вещи, как болезнь, не подумали — уж очень ты здоров. Сейчас-то ты хорошо видишь?

— Отлично, как всегда. А что было с моими глазами — сам понять не могу. Быть может, это действие космических лучей. Ведь, в конце концов, никто еще не летал на такой высоте...

— И с такой скоростью, — прибавил Зубов. — Влияние таких скоростей также еще не изучено.

— Да, факт тот, что зрение вернулось ко мне, когда я опустился в тропосферу.

К стратоплану сбегались рабочие — его строители. Пришел и старший мастер Бондаренко, пришел и друг Шахова — молодой ученый Меценко. Шахову пришлось еще раз рассказать историю своей внезапной слепоты и выздоровления.

— Ты все-таки сходи к доктору, — посоветовал Бондаренко.

— Ни к какому доктору ходить не надо! — возразил Меценко. — Каюсь, я виноват! Моя оплошность!

Все посмотрели на него с недоумением.

— Помнишь, Шахов, — продолжал Меценко, — в день отлета я пригласил тебя в свою лабораторию — показать мои работы, похвалиться своими достижениями?..

— Ну и какое же это имеет отношение?

— Увы, самое близкое! Я показал тебе фотоэлементы и разные лампы... Между ними была одна с сильными ультрафиолетовыми лучами. Ты заинтересовался моими работами, и я часа два тебе рассказывал. Мы стояли как раз возле этой лампы. Я увлекся и не обратил внимания, а ты, слушая, вероятно, все время смотрел на свет лампы. Ну и получил поражение глазных нервов. Невидимый ожог, коварный уже тем, что обнаруживается он только через несколько часов. При сильных ожогах временно теряется зрение, восстанавливается же оно только через несколько часов. Да, моя оплошность!

Барташевич поднес к лицу Меценки кулак и полушутливо-полусерьезно выругался по-украински.

— И какие же теперь выводы, товарищи?— спросил он.— Первое — летчикам перед полетами не заглядываться на лампы ультрафиолетового цвета.— И он заложил палец.— Второе — никогда не отчаиваться, не терять надежды на спасение, как бы положение не казалось безнадежным...

— Третье — никогда никого не подозревать без достаточных оснований,— вставил Зубов.

— Так ведь были ж основания, и не малые,— возразил Барташевич.— А в общем живем, Шахов? Шах королю!

„Где я лечу сейчас?“— думал Шахов,— может быть над Америкой, а может быть даже над Атлантическим океаном?“